

Женщины
на картинах
Ван Гога,
Рериха,
Пикассо

Кристина
О'Крейн
Страстное
искусство

Классика лекций

Кристина О'Крейн

**Страстное искусство.
Женщины на картинах
Ван Гога, Рериха, Пикассо**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 75.071:929
ББК 85.143(0)-8

О'Крейн К.

Страстное искусство. Женщины на картинах Ван Гога,
Рериха, Пикассо / К. О'Крейн — «Издательство АСТ»,
2021 — (Классика лекций)

ISBN 978-5-17-134080-3

Можно ли быть настоящим творцом без любви? Без сердечного трепета, ощущения, что готов вечностью дышать в одно дыхание с любимой? Автор книги «Страстное искусство» Кристина О'Крейн рассказывает трогательные и страстные истории любви всемирно известных художников Ван Гога, Рериха и Пикассо. Кто-то ждал свою единственную, и она стала его путеводной звездой на всю жизнь. Кому-то пришлось испытать горькое разочарование и так и не найти семейного счастья. Для кого-то искусство стало спасением от тяжелейших потерь самых близких людей. А кто-то использовал любовь другого человека, чтобы создать свои шедевры. Кто-то сошел с ума, отказавшись от любви, а кто-то потерял рассудок, приняв ее. Все многообразие проявления любви и ее влияние на творчество ярких мира сего читайте в этой книге. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 75.071:929

ББК 85.143(0)-8

ISBN 978-5-17-134080-3

© О'Крейн К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От автора	6
Глава I. Наполовину я монах, наполовину художник	11
Нет, нет, никогда! Кее Вос	11
Пусть уж лучше живет, чем гибнет. Класина Хорник (Син)	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кристина О'Крейн
Страстное искусство. Женщины на
картинах Ван Гога, Рериха, Пикассо

© Кристина О'Крейн, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

От автора

«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь»¹

Пикассо, Ван Гог и Рерих – трудно было бы найти более непохожих друг на друга художников. Яркий контраст биографий и творчества, скорее всего, не соберет многочисленную аудиторию поклонников всех троих одновременно. В силу профессии искусствоведа перед началом работы над «Страстным искусством» я уже знала их творческие пути, представляла основные шедевры, могла проанализировать вклад в мировую историю искусств, но... не всегда любила. Точнее, любила не все произведения и далеко не все их проявления в жизни. При этом мне было любопытно осознать, что их биографии удивительным образом дополняют друг друга, создавая более полную картину мира, показывая особенности личностных подходов к искусству и любви.

«Если не любил, значит, и не жил, и не дышал», – сказал поэт. Истории любви Пикассо, Ван Гога и Рериха охватывают многие ее проявления: от возвышенных, светлых и радостных, дарящих ощущение спокойствия и счастья, до развратных и грустных, ведущих к помешательству и даже смерти. Все грани этих чувств отразились в их художественных произведениях, которые составляют богатейшее мировое наследие. Знать реальную жизнь, которая стоит за объектами искусства, очень важно для понимания сути и скрытых смыслов того, что выражено красками.

На первый взгляд может показаться, что этих трех художников ничего не связывает. Но при более тщательном рассмотрении что-то объединяющее все же найдется. На короткий период времени они обучались, работали и выставлялись в одних и тех же местах, так как были почти современниками друг другу. Ван Гог (1853–1890), конечно, жил несколько раньше, но так как творить начал по возрасту позже, то по временным рамкам на несколько лет творческой биографии даже совпал с Пикассо (1881–1973), с которым Рерих (1974–1947) работал почти параллельно. Ван Гог и Рерих прошли обучение в мастерской французского художника Фернана Кармона с разницей в 14 лет. В 1920 году картины русского художника Николая Рериха выставлялись в Gupel Gallery в Лондоне, той самой, начало деятельности которой положил дядя Винсента Ван Гога. Рерих и Пикассо работали декораторами для постановок «Русских сезонов» Сергея Дягилева. Рерих оформлял «Весну священную» на музыку Игоря Стравинского, Пикассо – «Парад» на музыку Сати. Оба балета были освистаны публикой и вызвали грандиозный скандал. И Пикассо, и Рерих высоко ценили творчество Ван Гога и в определенном смысле каждый по-своему считал его своим предшественником.

Пикассо рассуждал о том, что настоящий художник должен уметь так искусно управлять цветом, что для него уже становится не важно, какой именно цвет имеют объекты окружающей действительности. Он может написать их любого цвета, и, если у него есть ключ к взаимодействию их сочетаний, картина будет выглядеть живой и настоящей. О Ван Гоге он говорил так: *«Он писал: «Я нагнетаю желтое». К примеру, ты смотришь на пшеничное поле; сказать, что оно на самом деле кадмиево-желтое, нельзя. Но если художник решил произвольно выбрать цвет, какого не существует в природе, то и для всего прочего будет подбирать цвета и сочетания, вырывающиеся из смиренной рубашки природы. Таким образом он утверждает свободу от нее. И потому то, что он делает, интересно».*

---

¹ Первое Соборное послание св. Ап. Иоанна Богослова, 4-я глава, восьмой стих.

Винсент Ван Гог. Пшеничное поле с кипарисами (вариант). Сентябрь 1889. Лондонская Национальная галерея, Лондон

И далее: *«Начиная с Ван Гога мы, какими бы великими ни были, в определенной степени самоучки – едва ли не первобытные художники. Художник больше не живет в рамках традиции, и каждому из нас приходится заново создавать весь язык искусства. Каждый современный художник имеет полное право создавать собственный язык от А до Я. Никакие критерии не применимы к нему, так как мы не признаем больше неукоснительных норм»*².

По большому счету Ван Гог принес себя в жертву свободе художников, следующих за ним. Он доказал, что искусство может существовать независимо от мнения критиков, специалистов и покупателей. И тогда последующие поколения сами определяют его ценность.

Письма Ван Гога были одной из настольных книг Рериха³:

«Читаю старых друзей – Бальзака, Анатоля Франса, письма Ван Гога. Светик (сын художника Святослав Рерих. – Прим. автора) правильно замечает, что в его письмах нет ничего ненормального. На него нападали отдельные припадки безумия. Да и было ли это безумием или же протестом против окружающего мещанства? Ван Гог был у Кормона. Там же побывали и Гоген и Тулуз-Лотрек и Бернар. Не испортил их Кормон. <...>

Ван Гог, посланный Евангелическим Обществом для изучения быта рудокопов, был уволен. Он слишком сердечно отнесся к тяжким условиям рудниковой жизни».

Рерих, так же как и Пикассо, рассуждал о настоящем искусстве, называя картины, принадлежащие к нему, «истинно творческими произведениями»:

«Сопоставляя произведения разных времен и народов, мы видим, что нередко самые, казалось бы, разнородные произведения отлично уживаются в общем сочетании. Можно

---

² Франсуаза Жило. Моя жизнь с Пикассо.

³ Николай Рерих. Листы дневника. Т. 2.

легко себе представить, как некоторые примитивы, и персидские миниатюры, и африканское искусство, и китайцы, и японцы, и Гоген, и Ван Гог могут оказаться в одном собрании и даже на одной стене. Не материал, не техника, но нечто другое позволит этим совершенно различным произведениям ужиться мирно вместе. Все они будут истинно творческими произведениями. При этом все роды искусства – и скульптура, и живопись, и мозаика, и керамика, словом, решительно все, в чем выразился творческий порыв мастера, – будут друзьями, а не взаимоисключающими врагами.

Просмотрим и дальнейших таких же естественных новаторов. Все они работали так, как могли. Им не приходилось ни извиняться за особенности своего творчества, ни поражать буржуазную робость грозными манифестами. Могли ли иначе работать Мане, Ван Гог, Гоген, Врубель? Говорят, что Ван Гог был безумен. Может быть, врачи и находили это, но сам Ван Гог никогда бы не стал настаивать на безумии своего искусства».

Иногда творчество Рериха сравнивали с экспрессионизмом Ван Гога: «Здесь один кристик поместил меня в группу экспрессионистов – Ван Гог, Матисс, Мунк, Рерих. Забавно, если собрать всякие бывшие определения».

А вот к творчеству Пикассо Рерих относился настороженно. Он разделял взгляды русских религиозных философов с их представлениями об искусстве, как о наивысшей гармонии⁴:

«Да, странно слышать о раболепности искусства от самого художника (Пикассо. – Прим. автора). Столько сейчас говорится о свободе искусства, что самопризнание в служебности звучит дико. Преступно огрублять вкус народа. Впрочем, будем надеяться, что раздадутся отважные, свободные голоса и эфемериды отлетят. Иначе к чему все культурные сообщества, если они будут подавлены темным безвкусием?»

«Самопризнание», по мнению Рериха, было сделано советской писательнице Анне Караваевой (в своей заметке Рерих ошибочно называет ее Валентиной. – Прим. автора) в 1945 году, в Париже, когда она и скульптор Вера Мухина, представляя делегацию советских женщин, посетили мастерскую Пикассо. Статья Анны Караваевой была опубликована в «Новом мире» (Москва, № 3, 1946) под заголовком «Люди и встречи». Вот ее впечатление от увиденного:

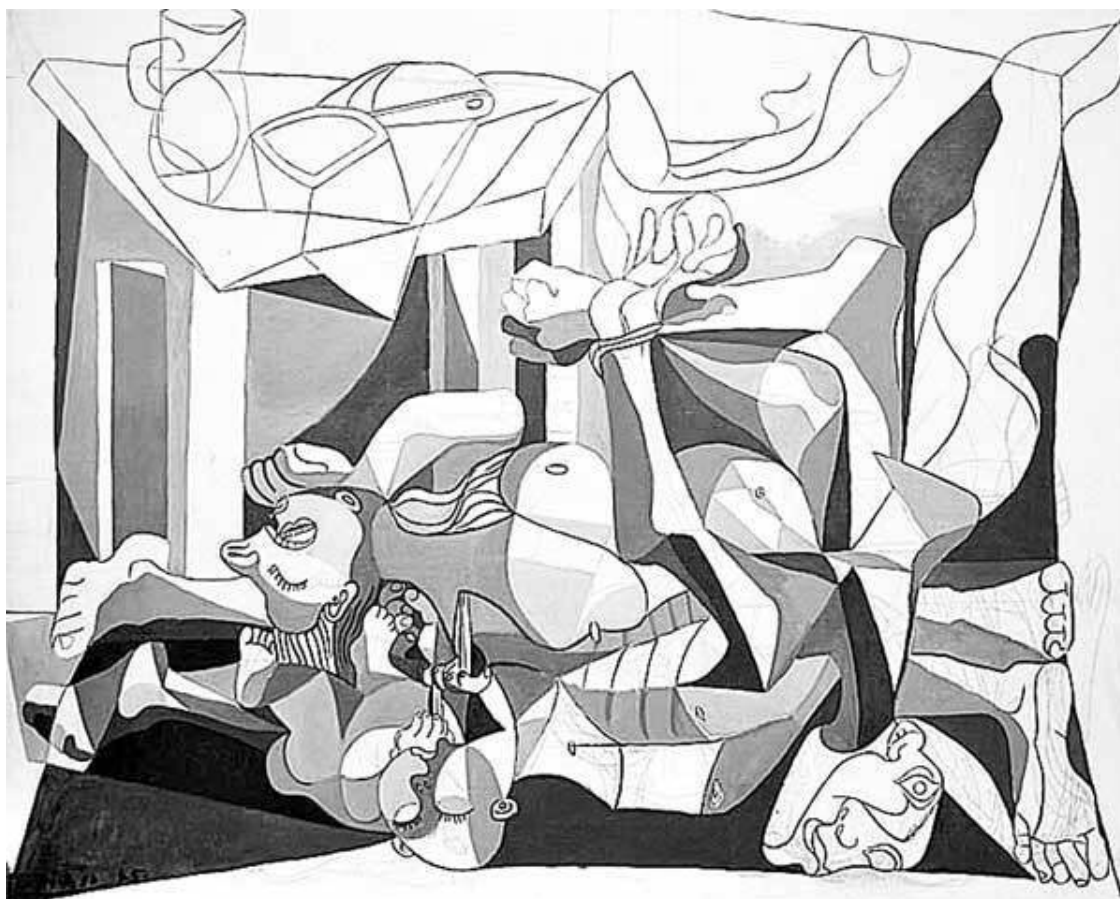
«Посреди комнаты большое полотно – трудно сказать, завешено оно или нет, потому что вообще... трудно понять, что тут изображено. Общий тон картины голубой, заставляющий вспомнить о колористических увлечениях Пикассо в начале 900-х годов: «голубой» и «розовый» периоды.

Голубому тону подыгрывают белые и серые тона. Напряженно вглядываясь в это нагромождение больших и малых кубов, различаешь борющиеся фигуры, видишь кого-то нападающего, кого-то лежащего, чей-то кулак, сжимающий нож. Странно, от этой чрезмерно усложненной, стиснутой в пределах трех красок живописи веет трагической наивностью – больше того: каким-то, если можно так сказать, тупиком внутреннего зрения...»

---

⁴ Николай Рерих. Листы дневника. Т. 3. 1947 год. Последний год жизни Рериха.

Пабло Пикассо. Склеп (Братская могила). 1945. Нью-Йоркский музей современного искусства (МоМА), Нью-Йорк

Речь идет о картине 1945 года «Братская могила». Она была написана в память о жертвах Второй мировой войны и действительно не была завершена. Пикассо не смог закончить ее к Осеннему салону 1945 года. И хотя она была выставлена на экспозиции «Искусство и Сопротивление» в феврале 1946-го, законченной автор ее все равно не считал.

Далее в статье описывается, как Пикассо показал советским женщинам другие свои работы, которыми те восхитились, и сделал то самое «самопризнание»: *«Я показал их вам, советским людям, потому что знаю: вы это понимаете... А наша рафинированная публика этого не понимает!»* Кто знает, состоялся ли этот диалог на самом деле или является продуктом писательского вымысла, но понятно, что Пикассо со всем своим разнообразным творчеством не мог вписаться в советские представления о хорошем искусстве, поэтому Анне Караваевой и нужно было найти объяснение его «странным» картинам.

На что Рерих в своей заметке восклицает: *«Экий наглец Пикассо! Наконец опубликовано его признание в раболепстве перед публикой. Подозревали, что он – «чего изволите», это было предположение, но вот теперь он сам признался в неискренности своего художества и в услужении вкусам сомнительной публики и торгашей».* Хотя на самом деле и Пикассо, и Ван Гог, и Рерих были одними из самых искренних художников в истории искусств.

Работая над этой книгой, я проверяла себя: насколько далеко простирается сила моей толерантности? С творчеством и биографией Николая Рериха я была знакома давно. С 2001 по 2006 год я работала научным сотрудником в Музее имени Н. К. Рериха: участвовала в конференциях, проводила экскурсии. Мне хотелось, чтобы как можно больше людей узнали о жизни человека, который смог так достойно «пройти по струне над бездной», сохраняя идеалисти-

ческое мировоззрение, веря в то, что «осознание красоты спасет мир» и «благословенны препятствия – ими растем». Любить Рериха было очень просто!

Другое дело принять человека, который не отличается такой праведностью и чистотой помыслов. Я не случайно выбрала эпиграфом к своей книге слова из Евангелия: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь». Но есть ли у любви границы? Любовь Бога не имеет границ, а любовь человека? Признаюсь вам, я бы не смогла написать эту книгу, если бы не полюбила ее героев. Каждый из нас живет в определенном мире, возможно, миры многих из нас вообще никогда не пересекаются, как практически не пересекались миры трех художников книги. Но, когда мы приходим в музей, мы можем увидеть их полотна рядом, и через них в нашу жизнь ворвется что-то совершенно чуждое нам. Будем ли мы к этому готовы?

Картины хранят мысли и переживания автора. Пикассо прямо говорил об этом: *«Я пишу картины, как другие – автобиографии. Завершенные или нет, они страницы моего дневника и в этом смысле представляют собой ценность»*⁵. Созерцая картины любимых художников и пытаясь понять не любимых, мы обогащаем души и тренируем сердца в бесконечном проявлении любви. Испытывая симпатию к картине, мы смягчаемся и по отношению к ее автору, а значит, и, обобщая, к кому-то похожему в нашей жизни. Чем больше я понимала течение жизни каждого художника, тем ближе мне становился каждый штрих их произведений. Тогда и пришла сначала симпатия, а потом и любовь. *«Разве, любя что-нибудь, мы не понимаем это лучше, чем не любя?»*⁶ – писал Ван Гог. Предлагаю и вам пройти этот путь.

*С любовью,
Кристина О'Крейн*

---

⁵ Франсуаза Жило. Моя жизнь с Пикассо.

⁶ Винсент Ван Гог. Письма. С. 591 (оборот), 9 мая.

Глава I. Наполовину я монах, наполовину художник

Возлюби ближнего твоего, как самого себя.
Евангелие от Марка. 12:31.

Мы должны терпеть других, чтобы другие терпели нас.
Ван Гог. Письма к Тео. 25 мая 1889

Нет, нет, никогда! Кее Вос

Она и никакая другая.
Ван Гог

Ван Гог в отчаянии бродил по улицам Амстердама, закрывая ноющую от ожога ладонь. «Неужели я обманывал себя?.. О боже, Бога нет!» – думал он. Десятью минутами раньше в доме своего дяди, проповедника Йоханнеса Стриккера, Винсент поднес руку к зажженной лампе и сказал:

– Дайте мне видеть ее ровно столько, сколько я продержу руку на огне.

– Ты не увидишь ее, – прозвучал, как приговор, ответ дяди, пока кто-то из домашних тушил огонь.

План 28-летнего Винсента растопить сердце священника, отца его возлюбленной Кее, с треском провалился...

Фото Кее Вос-Стриккер с сыном Яном. Октябрь 1881

Впервые Ван Гог увидел свою кузину Корнелию (Кее) Вос пять лет назад перед поступлением в университет для изучения теологии. Она была старше на 7 лет, не отличалась особой красотой, за это время успела овдоветь и одна воспитывала восьмилетнего сына. Не женщина, а мечта для Винсента! Его всегда привлекали люди, пережившие тяжелые времена или в них прибывающие. В университет он так и не поступил, но за полгода до истории с лампой, в августе 1881 года, сделал Кее предложение:

– Я люблю вас как самого себя! – перефразировал Винсент слова Евангелия.

В ответ прозвучало ледяное:

– Нет, нет, никогда!

Влюбленный Ван Гог понял эти слова не как отказ, раз и навсегда закрывший двери к сердцу кузины, а как обретение «куска льда, который он прижимает к своей груди, чтобы растопить». Винсент решил доказать всем: ей, родственникам, а главное, самому себе, что достоин руки Корнелии – и стал активно налаживать социальные контакты с теми, кто мог бы помочь ему обрести финансовую стабильность.

Годом раньше Винсент наконец-то определился, кем он хочет стать в жизни – художником. Путь к осознанию своего призвания оказался мучительным. Но в самые отчаянные моменты поиска себя именно рисунки помогали ему выжить – Ван Гог обменивал их на еду. Возможно, это наводило его на мысли о том, что рисование – дело, которым ему стоит заниматься в жизни. В письмах к брату Тео он писал: *«По дороге я кое-где зарабатывал кусок хлеба, выменивая его на рисунки, которые были у меня в дорожном мешке. <...> в этой край-*

ней нищете я почувствовал, как возвращается ко мне былая энергия, и сказал себе: «Что бы ни было, я еще поднимусь, я опять возьмусь за карандаш, который бросил в минуту глубокого отчаяния, и снова начну рисовать!»⁷.

Самый ранний известный рисунок – Коринфский ордер, графика. 1863

---

⁷ Письма к Тео. Кем. 24 сентября 1880.

Винсент Ван Гог. Амбар и фермерский дом. Карандаш. Февраль 1864

Винсент Ван Гог. Дом священника и церковь в Эттене. Перо, чернила, карандаш. 1876

Винсент Ван Гог. Копатель. Акварель, уголь. Октябрь 1881. Музей Ван Гога, Амстердам

Винсент Ван Гог. Мальчик, режущий траву. Акварель, черный мел. Октябрь 1881. Музей Крёллер-Мюллера, Оттерло

Винсент Ван Гог. Дочь Джейкоба Майера. Рисунок, ручка, карандаш. Июль 1881. Музей Крёллер-Мюллера, Оттерло

Винсент Ван Гог. Осел и тележка. Рисунок, карандаш. Октябрь 1881. Музей Ван Гога, Амстердам

Винсент Ван Гог. Теодор ван Гог, отец Винсента. 1881. Портрет

Первым учителем рисования Ван Гога была его мать Анна Корнелия, она поддерживала в сыне занятия живописью. Из самых ранних рисунков Винсента известны капитель колонны коринфского ордера и «Амбар и фермерский дом». Ему тогда было 10–11 лет. Даже по этим работам видно, что способности художника у него были. Позднее в школе-интернате, где чувствительному Винсенту совсем не нравилось, были достойные художественные классы, но о них он позже никогда не вспоминал. А рисовал Ван Гог постоянно, часто сопровождал свои письма рисунками. Дальнейшее образование художника Винсент Ван Гог получал либо самостоятельно, изучая книги и посещая музеи, либо обучаясь частным образом в мастерских известных художников. Систематически учиться он не мог. Попытка получить профессиональное образование в Королевской академии изящных искусств в Брюсселе, куда Винсент подал документы через полгода после того, как решил стать художником, с треском провалилась. Как и желание обучаться в антверпенской Академии художеств. А вот сам процесс рисования приводил его в восторг: *«Каким счастливым я чувствую себя с тех пор, как снова занялся рисованием. Оно давно уже привлекало меня, но я всегда считал рисование чем-то невозможным и недостижимым для меня. Теперь же, полностью сознавая и свою слабость, и свою мучительную зависимость от многих вещей, я тем не менее вновь обрел душевное спокойствие, и прежняя энергия с каждым днем возвращается ко мне»*⁸.

Ради стабильного будущего с Кее Винсент работал с удвоенной силой, создавая все новые и новые рисунки. Для этого в качестве модели выбирались все, кто готов был позировать. В портрете дочери Якоба Майера очень хорошо заметен характерный почерк Ван Гога – карандашная линия вибрирует так, как будто у художника дрожит рука. Но это лишь характерный прием и свидетельство экспрессивной натуры. Как ни старались внушить Винсенту «доброжелатели», что ему стоит присмотреться к коммерчески успешным художникам, перенять чужую манеру написания картин ему не удалось, да и не хотелось. Он остался верен себе.

Еще до объявления Винсента, что он хочет стать художником, его отец Теодорус (Дорус) заказал сыну четыре карты Святой земли для его пасторской работы. Он заплатил за них по десять франков. Один «шахтерский» набросок купил преподобный Абрахам Питерсзен, который давал Винсенту рекомендательное письмо к проповеднику в Боринаже – городе углекопов, где Ван Гог ранее служил катехизатором. Правда, за него на самом деле заплатил отец Винсента. Дядя Корнелис, увидев первые работы начинающего художника, сделал заказ на несколько работ и заплатил по 2,5 гульдена за двенадцать городских видов. Но более серьезно помогать начинающему художнику богатые родственники не хотели. Слишком сильно было подорвано доверие семьи, а страсть Винсента к его кузине Корнелии еще больше усугубляло ситуацию. Сам он объяснял свои чувства так: *«Тому, кто хочет работать и стать художником, нужна любовь; во всяком случае, тот, кто стремится воплотить в своей работе чувство, должен раньше испытать его сам, должен жить по велению сердца»*⁹.

⁸ Письма. Кем. 24 сентября 1880.

⁹ Письма. Пятница, 18 ноября 1881. Вечер.

Винсент Ван Гог. Старые дома и новая церковь в Гааге. 1882. Холст, масло. Частная коллекция

Винсент Ван Гог. Улица с рабочими, копающими траншею. Карандаш, тушь. Апрель 1882

Попытки Винсента продолжить ухаживания за кузиной Вос после ее решительного отказа казались родне настолько неделикатными, что отец-пастор в сердцах проклял своего сына! Но даже это не повлияло на желание получить согласие на брак с Кее, Винсент нашел все свои прошлогодние рисунки-штудии двухтомного самоучителя Шарля Барга «Упражнения углем», взял копии с офортов Милле, работы из «Курса рисования», а также выполненные по книге «Руководство по основам рисования» Армана Кассаня и отправился к своему бывшему начальнику Херманусу Терстеху (Х.Г.) – управляющему головным филиалом фирмы «Гупиль & Ко», чтобы представить себя в новом качестве и предложить свои работы для коммерческих целей. Год назад Терстех был категоричен: не представлял Винсента художником и не собирался ему помогать, хотя и прислал ему ранее набор акварелей. Но это было еще до громкого заявления – «Я – художник».

Жан Франсуа Милле. Сеятель. 1850. Бостонский музей изящных искусств, Бостон

Винсент Ван Гог. Сеятель. 1881. Музей Ван Гога, Амстердам

Такое отношение было связано с неудачной попыткой Ван Гога сделать карьеру арт-дилера в этой фирме. «Гупиль & Ко» была ведущей на рынке продажи произведений искусства: подлинников и эстампов. Родной дядя Винсента Ван Гога, его полный тезка, был в ней компаньоном. Помимо него ближайшие родственники-дяди – Хендрик Винсент (дядя Хейн) и Корнелис Маринюс (дядя Кор или К.М.) – также были арт-дилерами.

Фото Терстеха

Винсент начал работать продавцом в торговой фирме «Гупиль и Ко» в возрасте шестнадцати лет. Он обожал рассматривать произведения искусства и читать о художниках. Уже в этом возрасте Ван Гог начал собирать коллекцию репродукций, которую перевозил с собой во время бесконечных переездов и развешивал по стенам в каждой комнате, где он жил. Но! Работа в офисе была ему глубоко противна, особенно в сфере продажи произведений искусства: *«У искусства нет худших врагов, чем торговцы картинами <...>. Они льстят публике, поощряют ее самые низменные, самые варварские склонности и вкусы»*¹⁰. Кроме того, образ жизни Винсента с его частыми походами в публичные дома возмущал приличное общество, к которому принадлежали его родители и родственники. Увольнение было неизбежно. И когда Винсент как ни в чем не бывало пришел к тем, доверие кого он предал, конечно, его не ждал радушный прием.

К тому времени, как Винсент окончательно определился и выбрал для себя стезю художника, его дядя и тезка арт-дилер Винсент Ван Гог (1820–1888), известный как дядя Сент, два года назад из-за болезни оставил свой пост партнера в «Гупиль & Ко» (Goupil & Cie). А ведь именно благодаря ему бизнес на фирме расширился до продажи оригиналов картин и рисунков. Дядя Сент был бездетным и благоволил к Винсенту. Проработай тот в компании дяди дольше, он мог бы унаследовать даже и его бизнес! После ухода из «Гупиль & Ко» дяди и самого Винсента на фирме продолжал работать Тео. Но невысокая в начале карьеры должность не позволяла ему влиять на решение о приеме на продажу картин брата. Свою карьеру Тео начал младшим сотрудником филиала в Гааге, где до него работал сам Винсент. Вскоре он стал преуспевающим арт-дилером и с 1884 года работал в головном офисе в Париже. Он успешно продавал картины Клода Моне, Поля Гогена, но не собственного брата.

В Брюсселе во время неудачной попытки получить художественное образование Ван Гог познакомился с молодым художником Антоном Герардом Александром Риддером ван Раппардом (1858–1892) – младшим сыном состоятельного адвоката – и пытался стать ему другом. Несколько лет молодые люди общались и переписывались. В одном из писем Раппарду Винсент сравнивал занятия живописью с отношениями с любовницей:

«Существует два рода любовниц. Есть такие, с которыми занимаешься любовью, все время сознавая, что с одной или даже с обеих сторон нет постоянного чувства и что ты не отдаешься своему увлечению полностью, безусловно и безоговорочно. Такие любовницы расслабляют человека, они льстят и портят его; они подрезают крылья очень многим мужчинам.

Любовницы второго рода совершенно не похожи на первых. Это collets montes – фарисейки, иезуитки! Это женщины из мрамора, сфинксы, холоднокровные гадюки, которые хотят раз и навсегда связать мужчину по рукам и ногам, не платя ему со своей стороны безоговорочным и полным подчинением. Такие любовницы – сущие вампиры: они леденят и превращают в камень.

<...> приравниваю любовниц первого рода, подрезающих мужчинам крылья, к тому направлению в искусстве, которое переходит в банальность; любовниц же второго рода, les collets montes, что леденят и превращают в камень, я приравниваю к реальности в академическом смысле.

¹⁰ Письма. 1 ноября 1882.

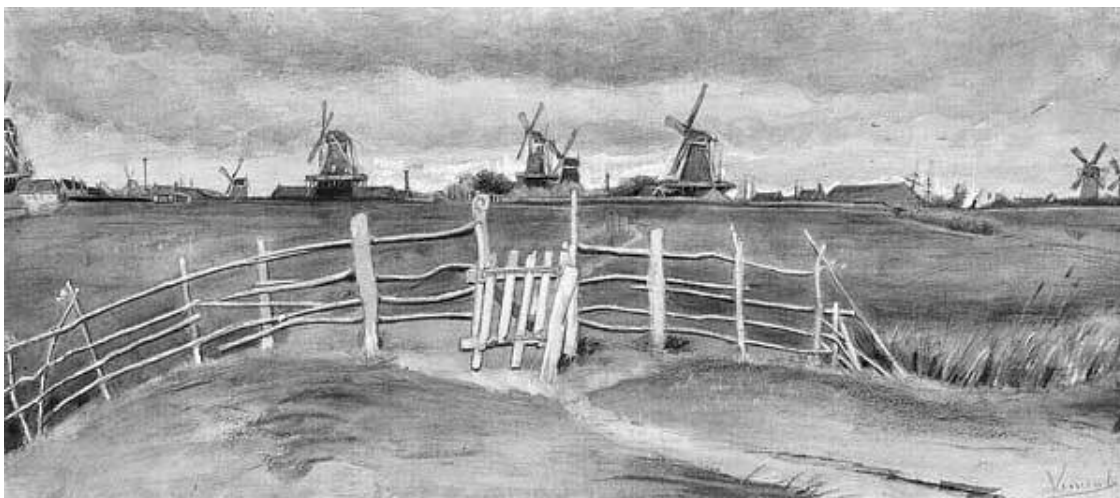

Антон Мауве. Автопортрет. Муниципальный музей Гааги, Гаага

Антон Мауве. Утренняя поездка на пляже. 1876. Рейксмюсеум, Амстердам

Винсент Ван Гог. Ветряные мельницы близ Дордрехта. Перо, чернила, акварель, графитный карандаш, мел. Август 1881. Музей Крёллер-Мюллера, Оттерло

Винсент Ван Гог. Пляж с ходячими людьми и лодками. 1882. Частная коллекция

Винсент Ван Гог. Вход в Пешот-банк, Гаага. Рисунок, карандаш. Март 1882. Музей Ван Гога, Амстердам

Винсент Ван Гог. Церковная скамья с верующими. 1882. Музей Крёллер-Мюллера, Оттерло

Винсент Ван Гог. Угольная шахта в Боринаже. 1879. Музей Ван Гога, Амстердам

<...> помимо этих двух женщин существуют и другие – из семейства Дамы Натуры или Реальности, однако, чтобы завоевать одну из них, нужна большая душевная борьба.

Они требуют от нас ни больше ни меньше, как всего сердца, души и разума, всей любви, на которую мы способны; при этом условии они подчиняются нам. Эти дамы просты, как голуби, и в то же время мудры, как змии (Матф., X, 16); они прекрасно умеют отличать тех, кто искренен, от тех, кто фальшивит.

Эта Дама натура, эта Дама Реальность обновляет, освежает, дает жизнь!»¹¹

Жизнь без женщины Винсент не представлял, поэтому ему так страстно нужно было добиться расположения Кее Вос. Забыв бывшие обиды, он переступил порог фирмы «Гупиль & Ко» и показал свои работы бывшему начальнику-недоброжелателю. К своему счастью, Ван Гог получил от Терстеха одобрение копий репродукций старых мастеров. Вдохновленный Винсент решил найти себе наставника и отправился на обучение к мужу двоюродной сестры – состоявшемуся художнику Антону Мауве. Тот писал пейзажи и сцены из деревенской жизни, которые очень нравились зрителю. Мауве был одним из организаторов Голландского общества рисовальщиков и руководил художественной ассоциацией «Мастерская Пульхри». Он на короткое время стал наставником Винсента в живописи. Мауве побуждал Ван Гога работать в технике акварель, к которой Винсент приобщился еще до того, как окончательно решил стать художником, но никогда после этого периода к ней не возвращался.

Ван Гог чувствовал невероятный прилив энергии и со всей страстью принялся рисовать. Но уже через полгода шел по Амстердаму с обожженной рукой и сомневался в существовании Бога. Теперь невозможность союза с Кее стала для него очевидной. *«Я немедленно должен найти себе женщину, – писал Винсент брату Тео, – иначе я замерзну и превращусь в камень».*

И тогда он встретил Син...

---

¹¹ Письма к Раппарду. Р 4 Эттен. 12 ноября 1881.

Пусть уж лучше живет, чем гибнет. Класина Хорник (Син)

Это была не страсть, а просто обоюдное понимание насущных потребностей каждого из нас.

Ван Гог

В январе 1882 года Класина Мария (Син) Хорник шла по промозглой зимней Гааге, с трудом переставляя отекавшие от беременности ноги, в поисках куска хлеба. К 32 годам, а выглядела она лет на десять старше, это была ее четвертая беременность. Из трех предыдущих выжила только одна девочка, ей было 4 года. Зарабатывать на жизнь Син умела только одним способом – самым древнейшим. Работа швеей или поденщицей не сложилась.

– С вами все в порядке? – спросил Винсент, – вы выглядите не совсем здоровой.

– В моем положении... – ответила Класина.

– Где же отец вашего ребенка?

– У него нет отца...

– Я художник. Вы согласитесь позировать мне? Конечно, я не смогу платить вам, как полагается натурщице, но у вас будет крыша над головой, и я разделю с вами свой хлеб.

Ван Гог привел Син в свою мастерскую на Схенквег и сделал ее своей постоянной натурщицей и любовницей. Более того, он поехал с нею в роддом в Лейдене, чтобы договориться о будущих родах. Оказалось, что ребенок Син лежал неправильно и, чтобы спасти жизнь им обоим, нужна была операция, во время которой ребенка повернут щипцами. Все это было тревожно, но врачи надеялись, что все пройдет благополучно. Родить она должна была в июне, через полгода после их встречи.

Когда окружение Винсента высказывало недоумение по поводу его «новой семьи», у Син была еще пятилетняя дочь, которая теперь жила вместе с ними, он парировал: *«Мне кажется, что каждый мало-мальски стоящий мужчина сделал бы в подобном случае то же самое. Я нахожу свой поступок таким простым и само собой разумеющимся, что даже не считал нужным говорить о нем».*

– Имею я право жениться или нет? – вел Винсент безответный диалог со своей семьей и, отвечая сам себе согласием, действительно хотел связать себя узами брака с уличной женщиной. Для него не существовало классовых или иных различий между людьми. Ван Гог не терпел лицемерия и ханжества. А то, что в его кругу считалось пороком, для него таковым вовсе не являлось.

Своеобразное мировоззрение Винсента Ван Гога за полтора года до описываемых событий привело к тому, что отец решил отправить сына в сумасшедший дом, точнее, в город безумцев Гел.

Были ли для этого основания?

К 27 годам Винсент не получил никакого законченного образования, он вообще к академическому обучению был не склонен – в возрасте пятнадцати лет бросил школу, чтобы больше никогда в нее не вернуться; не обзавелся семьей; а самое главное – не мог обеспечивать сам себя на минимальном прожиточном уровне. В среде голландских протестантов это считалось тяжким грехом. Но! Он никого не убил, не воровал, не вступал в драки, не был насильником. Он лишь перестал заботиться о каком-либо комфорте: мог спать на улице, мог ничего не есть, кроме картофеля и черствого хлеба, не мылся неделями, был готов отдать нуждающемуся последнюю рубашку и проповедовал, как мог, слово Божие, пробуя себя в качестве катехизатора.

Строго говоря, он в точности следовал тому, что написано в Евангелие: не заботься ни о чем, так как Господь позаботится о тебе¹², не стяжай себе сверх необходимого, бьют по правой щеке, представь левую¹³ и так далее. Но в семье уважаемого протестантского пастора – его отца Тедоруса (Доруса) Ван Гога, никто не собирался, включая главу семейства, следовать тому, что написано в Евангелии буквально. Дорус Ван Гог был представителем голландского протестантизма, в котором наслаждение от обретенного благосостояния вполне могло соседствовать с упованием на Божию благодать. «Кто не умеет добиться минимального успеха в бременной жизни, не добьется его и в жизни духа»¹⁴ – «нормальному» человеку это должно быть ясно.

Возможно, это было ясно всем, кроме Винсента. Он хотел жить настоящей жизнью без полумер: «Я – человек одержимый, способный и обреченный на более или менее безрассудные поступки»¹⁵ – и не хотел ни под кого подстраиваться. Да, его беспокоило, что он вынужден постоянно находиться в финансовой зависимости от других людей и более всего от брата Тео. Но беспокоило не на столько, чтобы что-то реально изменить в своей жизни. Он мог отправиться в дальнейшее путешествие без гроша в кармане, рассчитывая на милость Божию, брался выхаживать безнадежных больных, был скромен в еде, одежде и жилье до самоистязания. Ван Гог не нашел ни одного человека, кто поддержал бы его в этом яростном стремлении к самоотречению и служению людям: «Человек несет в душе своей яркое пламя, но никто не хочет погреться около него: прохожие замечают лишь дымок, уходящий через трубу, и проходят своей дорогой»¹⁶. Его образ жизни вызывал опасения, побуждал держаться подальше, а то и вообще возникало желание изолировать от приличного общества странного Винсента.

Пастор Дорус очень устал нести финансовое бремя содержания своего взрослого сына: ему в том числе пришлось заплатить круглую сумму, равную его годовому доходу, чтобы Винсента не призвали на военную службу. И теперь он готов был «передать» его на содержание в лечебницу для душевнобольных. Но, чтобы признать человека сумасшедшим, нужно было медицинское заключение врача или свидетельство всех членов семьи. От осмотра Винсент отказался. Поэтому для вынесения неутешительного вердикта был создан семейный совет. Отец Винсента Теодор Ван Гог собрал всю семью: жену Анну Корнелию, младших сыновей Тео и Корнелиса, дочерей Анну, Элизабет и Виллему.

Как вы думаете, что они решили тогда, в 1880 году? Доподлинно неизвестно, но вполне вероятно, что все единогласно признали старшего брата и сына безумным. Поэтому Винсент Ван Гог бежал в бельгийский Боринаж, где ранее был катехизатором. В город углекопов – потемневших от угольной пыли и обреченных на гибель людей, город, где его постигло одно из самых больших разочарований. От него отвернулись те, ради кого он готов был отдать последнее, готов был страдать – люди, которым он как учитель катехизиса проповедовал слово Божие. Над ним смеялись даже дети, которым он еще недавно пел церковные гимны и рассказывал истории из Евангелия. Ему не верили ни паства, ни руководство миссии, от имени которой он проповедовал, его не хотели слушать.

Первым не выдержал семейного бойкота брат Тео. Он послал брату 50 франков. Гордый Винсент хотел было отказаться, но крайняя нужда не позволила ему сделать это. Душевные терзания Винсента дошли до своего предела. Он изо всех сил хотел делать то, для чего был рожден на этом свете, но не знал, что это: «И я кое на что годен, и я имею право на существование! Я знаю, что могу быть совсем другим человеком! Какую же пользу могу я прине-

¹² Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем, достаточно для каждого дня своей заботы. (Мф. 6, 34).

¹³ Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. (Мф. 5: 39).

¹⁴ Грегори Уйат-Смит, Стивен Найфи. Ван Гог. Жизнь. Глава 4. Бог и деньги. С. 133.

¹⁵ Письма к Тео. С. 133. Июль 1880.

¹⁶ Письма к Тео. С. 133. Июль 1880.

*сти, чему же могу я служить? Во мне есть нечто, но что?»*¹⁷. До этого момента Винсент был продавцом произведений искусства, учителем французского для мальчиков, катехизатором. И в каждой из этих ипостасей потерпел сокрушительную неудачу.

А теперь, пребывая в состоянии эйфории от обретения семьи, Винсент был готов бросить вызов буржуазному обществу и «покинуть свой круг, который и без того давно уже изгнал» его. Одного он не учел: жизнь художника напрямую зависит от его окружения. Если вокруг нет почитателей, а главное, покупателей, то становится просто не на что жить.

– Я буду знать только одно – рисование, а у Христины будет только одна постоянная работа – позирование, – заявлял Ван Гог своему брату Тео, рассчитывая, что тот будет поддерживать материально не только его одного, но и всю его семью. И, пока Тео терпел такое положение вещей, Винсент активно работал.

В этот период Син стала его главной моделью. Особенно проникновенно Винсент передал ее образ в рисунке обнаженной женской фигуры под названием «Скорбь» и парной к ней «Корни». Ван Гог описал их в своем письме Тео: *«Несколько корней дерева в песчаной почве. Я старался одушевить этот пейзаж тем же чувством, что и фигуру: такая же конвульсивная и страстная попытка зацепиться корнями за землю, из которой их уже наполовину вырвала буря. С помощью этой белой, худой женской фигуры, равно как посредством черных искривленных и узловатых корней, я хотел выразить мысль о борьбе за жизнь. Вернее, так: я пытался быть верен стоявшей перед моими глазами натуре, не философствуя; поэтому в обоих случаях я почти произвольно передал атмосферу этой великой борьбы»*¹⁸.

---

¹⁷ Письма к Тео. Июль 1880.

¹⁸ Ван Гог. Письма. С. 195.

Винсент Ван Гог. Согнутая фигура женщины. Рисунок, карандаш. 1882. Музей Крёллер-Мюллера, Оттерло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.